

кидали их в огонь. Вдруг раздался сильный стук в дверь. Это пришел немец. В руках у него было две курицы, под мышкой - кусок сала, а за спиной вещевой мешок-рюкзак. На голове у него была шапка, а под шапкой - шлем из чистой тонкой шерсти, из которого были видны огни глаза. На ногах у него - деревянные кандалы-подставки (подметки) от холода, которые ремнем пристегивались к сапогам. Он кинул кур к плитке и сказал на своем языке что-то маме. Мама стала щипать кур, и... узнала их. Это были наши две хохлаточки, как мы их звали. Немец, прежде чем зайти в дом, видно, побывал в нашем сарае и заполнил свой мешок нашими продуктами. Когда куры уже варились, он стал показывать нам очень красивые фотокарточки своей жены и двух детей и плакать. Что-то говорил маме, а она, не зная немецкого, понимала его и «переводила» нам: он говорил, что «это не мы воюем, это Гитлер хочет забрать русскую землю, а людей сделать рабами!»... Утром, когда мы проснулись, его уже не было у нас. Кур он забрал с собой, но запах куриного бульона, мне, тогда голодной девчонке, помнится до сих пор».

Встреча с другим фашистом для маленькой Валентины могла оказаться более трагичной. Она помнит его имя — Курт. Он поселился у ее матери на долго. Служил адъютантом, а у соседей Конуниных поселился офицер, которого он должен был обслуживать (чистить сапоги, приносил мыть котелки от еды): «Меня заставлял мыть котелки, а Женю-брата-чистить сапоги. Брат сапоги брал и уходил на улицу, на улице сапоги и оставлял, а сам убегал. Он не хотел помогать фашистам и меня отговаривал: «Не мой фашисту котелки!» Я была тогда маленькая и - как вспоминаю - все время голодная. Котелки же вкусно пахли супом, мне это нравилось и мыла я их с удовольствием. Но... однажды, когда в очередной раз Курт принес котелки и, очень зло схватив меня за руку, приказал: «Вассер, ну-ну!», я смело сказала: «Не буду мыть! Ты - фашист!» Он пришел в ярость, побежал за винтовкой, и стал направлять ее на меня. Я закричала и побежала из дома, со мной бежал кот наш - Сенька. Когда пробежала четыре дома вдоль улицы, около дома Драголевых выстрел остановил нас. Сенька, мой любимый кот, был убит, а меня пуля ранила в правую ногу. До сих пор у меня на ноге белое пятно от пули Курта напоминает мне войну и мое военное детство».

События 1943 года — освобождение города Курска от немецко-фашистских захватчиков и Победа на Курской дуге — слились в детском

сознании в сплошной длинный праздник! Валентина Романовна рассказывала, что освободили Курск части Советской Армии неожиданным и стремительным ударом: «Ночь... Мать с двумя моими братьями залезли под кровать, заваленную подушками. В доме было темно. С улицы доносились громкие и страшные звуки: взрывы бомб, свист пуль, жужжание снарядов, артиллеристские залпы. Все чего-то ждали. Я выскочила во двор. Здесь все небо было переплетено прожекторами - светло, как в солнечный ясный день! Гудели самолеты, все они, как стаи перелетных птиц летели над нами. Сыпались, как град, бомбы! Со стороны Льгова двигались пушки с длинными дулами, из которых с ослепительным огнем, с неуловимой взглядом скоростью вылетали снаряды в сторону центра города».

Над нашим домом стояла ослепительная горящая дуга, переплетенная летящими бомбами, снарядами и пулями, строчащими из автоматов как кузнечики. Было красиво и интересно! Страху не было у меня никакого. Наоборот, какая — то огромная радость! Ведь наконец — то пришел конец нашим страшным мученьям! «Наш» ужасный Курт с гнилыми зубами уезжает, торопится, боится не успеть, выносит чемоданы с награбленным в Курске добром, которым забил весь наш дом. Он торопливо стал выносить тяжелые чемоданы из комнаты, и вдруг один чемодан открылся и из него посыпались часы, браслеты, кольца, перстни, золотые старинные монеты. Пока он носил другие чемоданы, я пригоршнями набирала эти часы и носила к кровати, где были укрыты братья с мамой....

Этот шум длился не долго, а, может быть, я заснула и поэтому не помню, что было дальше той ночью. Очень ясно помню тихое — тихое утро на следующий день. На улице медленно и робко стали собираться соседи: робко выходили кто из дома, кто из окопов, кто из подвалов и все шли к ямам от упавших бомб. Перед нашими окнами этой ночью упали шесть бомб и ни одна не разорвалась (бомбы эти долго лежали и мы все ждали, когда они разорвутся и мы будем все убиты! Но этого, к счастью, не произошло). Дом наш сильно покривился и стекла лежали на земле. Около Абрамовых упало три бомбы, одна из них была очень большая и выбила большую яму, которая позже наполнилась водой, и мы, дети, в ней часто купались летом 1943 года».

В городе не было уже немцев, но и наши город еще не заняли. Все ждали прихода своих. «Наступило еще одно солнечное утро. Началось оно для меня со слез. Плакала я потому, что в доме никого